ЗАСТОЛЬЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

И.А. МОРОЗОВ
(Москва)

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ТРАДИЦИОННОГО ЗАСТОЛЬЯ:

ОБЫЧАИ, ВЕРОВАНИЯ, МАГИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО НАЧАЛОМ И ЗАВЕРШЕНИЕМ

Застолье является ядром социальной и общественной жизни как в традиционном, так и в современном быту, важным элементом половозрастных, групповых, межэтнических коммуникаций, средоточием фундаментальных мировоззренческих концептов. Застолья и трапезы[1] в разных контекстах обозначают границы между трудом и отдыхом, пассивным и активным времяпрепровождением, днем и ночью, буднями и праздником, обыденным и сакральным, ими маркируются любые «ситуации перехода». Этническая и региональная специфика церемонии застолья во многом определяет логику важнейших обрядов жизненного цикла, традиционных и современных праздников, повседневного жизненного распорядка. Таким образом, обнаруживается насущная необходимость изучения застолья *как особого этнокультурного феномена*, без которого невозможно постижение основополагающих принципов жизненного уклада, особенностей национально-этнического мироощущения и менталитета. Универсальный характер феномена застолья позволяет проводить широкие культурно-исторические и кросскультурные исследования, дает возможность междисциплинарного подхода в рамках этнологии, социологии, психологии, этномузыковедения, фольклористики, этнолингвистики (об опыте междисциплинарного изучения застолья см. [Морозов 2000, 118—119]).

В последние годы опубликован ряд исследований по истории русского застолья, где предприняты попытки осмысления этого явления в широких культурно-исторических рамках [Лотман, Погосян 1996; Романов 2000; Ковалев, Могильный 1996 и др.], но тем не менее остаются неразработанными важнейшие аспекты темы. В частности, требуют первоочередного внимания проблемы **дефиниции** всех разновидностей застолий (пир, трапеза, угощение странников и т.д.), а также их **типологии**, в том числе их социо- и половозрастной стратификации; **глубинной семантики** застолья, в частности его соотнесенности с жертвенными ритуалами; **генезиса** феномена застолья, соотношения его архаических и современных форм и др. В данной статье будут проанализированы ключевые элементы структуры традиционного застолья — его начало и завершение. При этом мы опираемся в основном на русский материал[2], используя в некото-

[1] В современном литературном языке под «застольем» обычно понимается церемония *праздничного* угощения. Однако еще у В.И. Даля можно найти расширительные трактовки этого понятия (наряду со словом «стол»): 'трапеза, столование (обед, ужин), пир', 'место за обеденным столом', а также более старые, специализированные значения и формы слова типа «застольщина» 'общий стол складчиною или от хозяина' [Даль 1882 (1), 640—641]. По-видимому, при изучении историко-культурных аспектов традиционного застолья было бы удобно использовать понятие «застолье» в широком смысле слова как *любой тип коллективной трапезы*, оставив для обозначения праздничных застолий более специальный термин «пир» или «пирование».

[2] Помимо печатных и архивных источников, это результаты полевых исследований по программе «Традиционное застолье» (см. [Актуальные проблемы 2002, 125—128]), проводившихся автором в последние пять лет во многих регионах России (Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Рязанская, Калужская, Орловская, Брянская, Курская, Ульяновская обл.), частично опубликованные [Морозов 1998а; Морозов, Слепцова 2001].

рых случаях славянские параллели из источников XIX — XX вв.

В традиционной обрядности дихотомии *первого / последнего* придается особое значение. С некоторой долей преувеличения можно утверждать, что **смысл любого ритуализованного действия сводится к его началу и концу**. Иными словами семантические доминанты наиболее ярко проявляются и «считываются» участниками и зрителями в начале и конце обрядовой акции, хотя это, конечно, не отменяет возможности акцентирования и других компонентов обрядового действа. Эти акцентированные, или «кульминационные», точки наделены свойством, которое можно назвать «внутренней потенцией разрыва». При редукции обрядовой канвы, отпадении от обряда инициальной или финальной части именно они концентрируют в себе свойства начала или конца. Иначе говоря, в ткани обряда всегда есть «точки напряжения» или «семантические сгустки», которые стремятся заменить, восполнить утраченные, редуцированные, утратившие актуальность части. Исследование начальных и завершающих фаз любой обрядовой акции дает богатый материал для изучения особенностей ее генезиса и обусловивших ее эволюцию внешних условий и факторов, в том числе глубинной мотивации.

В структуре традиционного застолья такими «акцентированными» компонентами являются, например, начинающая и завершающая его молитва или песня. В более архаических версиях застолья эти два компонента нерасчленимы. У удмуртов обрядовое застолье, которое практически всегда связано с обрядовой жертвой, начиналось песней жреца (*восясь*), в которой наряду с молитвенным обращением к верховному божеству (*Инмар*) обычно присутствует восхваление, чествование хозяев и участников действа [Владыкина 1997, 86 и далее].

В традиционном русском застолье эти два компонента уже, как правило, разведены. **Молитва начинает и завершает повседневные трапезы**, особенно постовые: «*Садяцце за стов да: "Господи благослави!" — перекрестяцце и садяцце йисть*» (Зап. в 1992 г. в д. Сорогинская Вожегодского р-на Вологодской обл. от Н.П. Лапочкиной, 1927 г.р., урож. д. Михеевская [МИА 22:44об]), и наиболее регламентированные обрядовые (например, связанные с поминовением, важными религиозными праздниками — Рождество, Пасха, Троица, престолы). **Песня в начале застолья как величание, прославление хозяев и участников** сохраняет свое значение для ряда семейных и календарных обрядов (свадьбы, дожинок, угощений в честь завершения косьбы), трапез и застолий в рамках окказиональных обрядов (например, при «литках», «магарычах»), а также во время молодежных собраний и пирушек («кочеты» или «девичий праздник» во время Кузьминок, «пирования» и «игрища» после святочных или весенних обходов и др.). В некоторых локальных свадебных традициях плясовые или хороводные песни исполнялись при перемене столов или в перерывах между угощением. В Парфеньевском р-не в этой ситуации пели «*Где земелька чернозем / Роза, роза, чернозём, / Посеяли девки лён...*» (Зап. в 1996 г. в д. Ложково Парфеньевского р-на Костромской обл. от М.А. Парамоновой, 1908 г.р., урож. д. Старово [МИА 66оп:Ф1996-02Костр., № 68]).

Вообще в обрядовых ситуациях понятие *первое / последнее* часто связано с пищей. Такая взаимосвязь может показаться совершенно случайной, однако при более внимательном рассмотрении становится ясным, что *первый* (например, первый гость или победитель в обрядовом соревновании) получает особое право на использование тех или иных благ, в частности пищи. Так, во время праздника «слава» в Северо-Восточной Сербии первого гостя, который приходил в дом, называли «попом», ему выделяли особое, почетное место и он получал право разрезать праздничный калач вместе с хозяином [ГЕМ, 397]. *Последний* (проигравший в состязаниях) наделяется демоническими свойствами, приближаясь к герою-трикстеру. Он нередко похищает пищу. Например, во время обеда, устраивавшегося в Бельском у. Смоленской губ. в честь завершения толоки по вывозу навоза в поле, тот, кто вывозил последний воз (его называли «поскребышем» или «телепнем»), должен был украсть со стола кашу и унести ее в хлев, из которого вывозили навоз. Его преследует толпа детей и подростков. Забежав в хлев, «при общем смехе вся толпа наперерыв подхватывает кашу, а горшок разбивают» [АРЭМ 7—1—1540—19]. В данном случае *последний* тождествен обрядовому антогонисту (*чужому*).

От того, *кто* ест первым, зависит благополучие семьи, урожай, плодородие ско-

та. Например, у белорусов в Роговском у. «на заговенье и на дедов должны есть первыми женщины, чтобы приплод скота был женского пола» [Романов 1912, 315].

Часто застолье начинается с напитков. Церемониал «вкушения» ритуальных напитков существенно различается по деталям в разных локальных традициях. Вот, например, достаточно полное описание одной из его версий во время «пирования» в Тотемском у. «Угощение начинается в самый праздник по окончании обедни. Гостей сажают за два стола: в передний угол — мужчин, против печки — женщин. Сажают по рангам и возрастам: самые близкие — в самый угол, под образа, а прочие — по краям. Прежде всего приносится самовар и начинается чаепитие. **Но перед чаем** (здесь и далее выделено мною. — *И.М.*) **хозяин каждому из гостей**, также в зависимости от ранга и возраста, не исключая женщин и детей, даже малолетних, **подносит по рюмке водки**, сопровождая потчевание каждого гостя низким поклоном, иногда, хотя и редко, даже земным (например, любимому тестю в первый год супружества). Хозяйка также низко кланяется каждому, кого потчует супруг.

Затем выносятся две большие братыни с пивом, которыми обносят гостей муж и жена — каждый своих. Это так называемая **круговая, общая чаша**. Самый почетный гость, приняв братыню из рук хозяина и предварительно заставив его самого отпить из нее, пьет и передает своему соседу, тот следующему и т.д.

Потом пьют чай — чашками и не очень помногу, притом с одним куском сахара (взять другой кусок к недопитой чашке считается верхом неприличия). Далее, убрав посуду, хозяйка кладет перед гостем ворох пирогов (рогули, пряженики, витушки, шаньги, хворосты). После этого следовал рыбник или жаркое, каша, кисель. В промежутках между угощением хозяева вновь и вновь обносили гостей пивом» [Скворцов 1881, 36—37].

Обычай распивания «общей» или «круговой» чаши («круговины») символизирует сопричастность к общей «доле», воплощенной в обрядовом напитке. Отсюда строгая регламентация дозы выпитого: по обычаю подаваемый напиток часто нельзя допивать до конца, «чтобы дом не был пустым». В.М. Соболевская, описывая ритуал обноса пивом при начале застолья у старообрядцев на Верхней Кокшеньге и в Брусенской волости, отмечает, что «во время еды пивом обносит преимущественно хозяйка. Держа в руках подносик с двумя стаканами, наполненными пивом, она подает его гостю с низким поклоном, **причем полагается пиво не допивать**, а выпив приблизительно три четверти стакана, поставить стакан обратно» [Соболевская 1920].

Пища как воплощение чужого должна стать своим в процессе застольной игры, которая обладает универсальными адаптивными свойствами. Как кошка играет с мышью, прежде чем ее проглотить, так и участники традиционного застолья «играют» с напитками и пищей. Отсюда столь неожиданные с первого взгляда игровые эпизоды в традиционных пированиях.

Первой чарке, являющейся символическим воплощением «доли», человека во всей его целостности, во время традиционного пирования придавалось очень важное значение. Первую чарку пить трудно, что подчеркивается в народной фразеологии: «*Первая рюмка колом, вторая соколом*». Именно поэтому принято сопровождать ее приговорами типа: «*Выпил, как Бог босичком пробежал*», «*Как Христос в лаптях прошел!*» («*Мужики выпьют стопку: "О! Как Исус Христос протяпал! Ой, как легко сделалось. Из горла как камень прокатился, а то и дышать нечем!"*» [Северное Белозерье 1998, 144]); «*Это когда выпьют, гладят себя по груди и говорят: "Как Христос протопав!"*» (Зап. в 1992 г. в д. Коротыгинская Вожегодского р-на Вологодской обл. от А.И. Петровой, 1911 г.р. [МИА 22:17об.]); «*Когда дома за столом первую рюмоцьку пьют: "Ой, как Христос по сердцу прокативсе!"*» (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от Т.С. Калининой, 1908 г.р., урож. д. Воздвиженское Пошехонского р-на [МИА 71оп:Ф1998-02Яр., № 11]).

Это не просто чисто физиологические трудности, связанные с **началом еды-питья**, но прежде всего проблема преодоления психологического барьера между *своим* и *чужим*. Пища как воплощение *чужого* должна стать *своим* в процессе застольной игры, которая обладает универсальными адаптив-

ными свойствами. Как кошка играет с мышью, прежде чем ее проглотить, так и участники традиционного застолья «играют» с напитками и пищей. Отсюда столь неожиданные с первого взгляда игровые эпизоды в традиционных пированиях. В Вохомском и Павинском р-нах Костромской обл. масленичное пированье сопровождалось игровыми и плясовыми песнями, сценками ряженья («веретена точить», «в бане парить»), шутками — гостей угощали с лопаты или с лаптя, из кружки «с секретом» и проч. (Зап. в 1996 г. в д. Березовка Павинского р-на Костромской обл. от И.А. Ивковой, 1911 г.р., урож. д. Раменье [МИА 69оп:Ф1996-30Костр., № 79, 80, 84]; в пос. Талица Вохомского р-на Костромской обл. от М.Е. Останиной, 1925 г.р., урож. д. Жарки [МИА 69оп:Ф1996-30 Костр., № 111]). Молодожены нередко соревнуются за обладание первым куском во время ритуальной трапезы. Невеста стремится первой ухватить кусок рыбы из разрезаемого дружкой рыбника (Зап. в 2000 г. в г. Великий Устюг Вологодской обл. от П.И. Колотовой, 1922 г.р., урож. д. Верхнее Чистяково Великоустюгского р-на [СИС:Ф2000-01Волог., № 19]).

Первый и последний кусок или глоток потенциально смертельно опасны и одновременно необыкновенно благодатны.

Семантика **первого глотка** отчетливо проявляется в запрете угощать водой из первого набранного ведра. По свидетельству В.Н. Добровольского, «с первого ведра баба не даст напиться: *"Если беременна буду, не разражусь"*. И девкам тоже запрещают быть услужливыми в этом отношении» [Добровольский 1914, 55]. У болгар (Царибродско), чтобы в новой бадье «была сладкая вода», из нее должен первым напиться мужчина [Сборник 1891, 89]. Первого после отела молока обязательно дают всем членам семьи: «сколько человек попробует того молока, столько молока в день будет давать корова впоследствии» [СЕЗ 318]. В традиционных поверьях обычно строго регламентируется, кто ест **первый и последний кусок** хлеба («горбушку», «крайчик», «целку») [Страхов 1991, 60 и след.]. Например, «*горбушки должны есть только девочки, чтобы титечки росли*» (Зап. в 2001 г. в д. Гряда Устюженского р-на Вологодской обл. от К.Я. Злобиной, 1916 г.р. [МИА 27оп:Ф2001-14Волог., № 28]).

Первый и последний кусок или глоток потенциально смертельно опасны и одновременно необыкновенно благодатны. Особые предосторожности соблюдались при вкушении того или иного вида пищи **в первый раз в году**. В Черниговской губ., когда ели первое в году яблоко, огурец, курицу и т.п., «загодовывали»: перегибали за голову руку и приговаривали: «*Нова новина, щоб не болів ні живіт ні голова*!». И только после этого начинали есть [Гринченко 1895, 253]. То же у белорусов в Оршанском у. «Когда пьют в первый раз берёзовик (березовый сок), едят первые ягоды или грибы и т.п., то говорят: *"Нова новина: камарова ида, мидьвежжая сила, штоб у рот насила, заяччій паскок, а ў рот скок!"*» [Романов 1912, 315].

Первый кусок нередко приносился в жертву [Тројановић 1911, 29—35], так как одной из важнейших целей застолья было умилостивление тех сил, которые обеспечивают благополучие и «долю». Это домашние «пенаты», духи предков, христианские святые-покровители или реальные лица, представляющие их в обряде (например, священник). На пированиях в Павинском р-не первая порция обязательно предназначалась «Большому», как здесь было принято называть «лесного хозяина», «дедушку лесного» или лешего, под властью которого находилась лесная рать («парамонская сила») (Зап. в 1996 г. в д. Карпово Павинского р-на Костромской обл. от А.Н. Гончаровой, 1928 г.р., и Т.И. Дурягиной, 1924 г.р., урож. д. Шубино [МИА 69оп:Ф1996-18 Костр., № 57, 58]). Присутствие на ритуальной трапезе невидимых «гостей» особенно ярко проявляется в описаниях поминальных трапез (см. напр. [Седакова 1990], которые обычно всегда начинаются с символического угощения усопших. В Вытегорском у. к поминовению готовятся «как к великому празднику или свадьбе». «В день поминок, в полдень, хозяйка накрывает чистою скатертью стол, раскладывает на нем яства и пития — всё, что приготовлено. Кругом стола ставят скамейки. Хозяин берет кадильницу — глиняный роговичек с ручкою, насыпает в нее горячих угольев и ладану, начинает ходить кругом стола и кадить кушанья, читая молитву: "Святый Боже!". Когда хозяин обойдет кругом стола три раза, трижды прочитавши упомянутую молитву, поставит кадильницу в большой угол — под образа, а

сам и вся семья становятся вдали от стола, скрестивши руки на груди и храня строгое молчание. В это время, по убеждению крестьян, являются все умершие родственники, садятся за стол и невидимо угощаются. Великим преступлением считается в это время разговор и даже малейшее движение». Так иногда стоят «час и больше». Затем хозяин снова трижды обходит стол с кадильницей, «держа ее в высоко вытянутых вперед руках, как бы опасаясь задеть сидящих за столом. После этого хозяин все убирает со стола, все садятся обедать, употребляя в пищу все приготовленное к поминкам. При этом дверь в дом обязательно запирают» [Трошков 1899].

Все «пирования» и «братчины» на Ильин и Михайлов день, Никольщины, масленицу вплоть до первой трети XX в. сопровождались общественной трапезой с мясом специально для этой цели предназначенного общинного («селянского») быка или барана. Жертвенная символика сохраняется в обычаях начинать трапезу в крупные годовые праздники (Рождество, Новый год, Крещение, Пасха, в некоторых локальных традициях — Кузьминки) с тушки жареного поросенка или курицы, иногда свиной головы[3]. С этого блюда нередко начиналось и свадебное застолье[4]. По-видимому, опасения, связанные с вкушением первого куска и первого глотка, объясняются как раз тем обстоятельством, что совершающий это невольно становится посредником между устроителями застолья и теми высшими силами, которым эта порция предназначена.

Опасения, связанные с вкушением первого куска и первого глотка, объясняются как раз тем обстоятельством, что совершающий это невольно становится посредником между устроителями застолья и теми высшими силами, которым эта порция предназначена.

Некоторую расшифровку опасности первого глотка можно усмотреть в описываемом Д. Фрезером обычае выбора племенного вождя: перед претендентами поставлены две чаши, в одной из которых напиток с ядом. Тот, кому повезет, становится вождем. Здесь мотив «доли» («судьбы»), заключенной в пище, предстает в наиболее явном, обнаженном виде. В русской и славянской традициях широко известны версии этого обычая, например, наделение участников традиционного застолья кусками пирога с запеченной в нем монеткой или средокрестными крестиками с запеченными в них монетами, зернами, угольками, щепками и т.д. Подобные практики могут быть связаны со многими крупными годовыми праздниками. Мотив найденного в ритуальном блюде «счастливого» предмета встречается и в величальных застольных песнях:

Испей-ко, умноё,
Испей, розумноё...
Ешшо пей-ко, попей-ко,
На дне-то копейка,
Ешшо попьёшь,
Дак и грош найдёшь!

(Зап. в 1996 г. в пос. Талица Вохомского р-на Костромской обл. от Е.И. Адеевой, 1917 г.р., урож. д. Варжа [МИА 70оп:Ф1996-32Костр., № 98]).

Степень опасности или благодати, скрытой в первом куске, иногда определяют внешние обстоятельства. Например, в с. Спас-Деменск Мосальского у. Калужской губ. в начале «княжого стола» подавали «цельный непочатый горшок каши», которым, по словам собирателя, «распоряжается невестина сваха». При этом сваха «должна знать, честная или нечестная невеста: в первом случае "вершонки" надо отдать скоту, а во втором спрятать их под навоз. Невеста, — замечает собиратель, — со своей стороны, три раза во время обеда откладывает кашу в тряпочку и, так как она знает про себя, то знает и про то, что нужно сделать с кашею. И сколько потом бывает нареканий на молодую, если она окажется нечестною! Всякое несчастье во дворе "присекают" к тому. Пропала свинья, лошадь. Отчего? Молодая была нечестная, а с кашей поступили неосмотрительно — не выбросили под навоз» [Добровольский 1902, 232—236].

---

[3] Обычай широко распространен на юге России, но известен и в западной и северной традициях. Нами отмечено, например, употребление свиной головы при разговлении на Рождество (Зап. в 1999 г. в с. Каменка Козельского р-на Калужской обл. от Е.А. Кузькиной, 1908 г.р., урож. д. Орлинка (Марьино) [МИА 48оп:Ф1999-05Костр., № 17]).

[4] Обычай широко распространен на юге России, но известен и в западной и северной традициях (см., напр. [Русские 1997, 225 и след.]).

С повышенной опасностью первого куска или глотка связан тот факт, что нередко, особенно во время престольных праздников, первая чарка или первый глоток предназначались местному священнику. Так, в с. Никольское Кадниковского у. «хозяин наливает чарку водки и подносит сперва батюшке руками, без подноса, а потом уже по (столам)» [Преображенский, л.16-16об.]. Иногда священник временно заменял хозяина, исполняя функции виночерпия, и обязательно выпивал первую чарку. Если он после этого не покидал застолье, то все последующие подношения начинались с него. «Пировство начинается с благославления и почина попа. Он после славы обязательно садится в передний угол, рядом — дьякон, псаломщик, а потом гости по родству — сначала "тестюшка" и теща, далее зятевья, шурин с бабами, потом остальные. <...> Перед чаем хозяин (не садится, а только угощает) приносит **предварительно и исключительно для священника бутылку водки** (выделено мною.— *И.М.*) со словами: "А вот те, батюшко, бутылка вина, хошь сам пей всю, хошь угости, хошь домой понеси!". И священник, не знающий этого обычая, никогда не может угодить хозяину. Ему следует самому сначала выпить, а потом угостить: налить и поднести каждому из гостей по рюмке» [Городецкий, л. 35].

Первую чашу обязан испить каждый желающий приобщиться к праздничному застолью. «При входе в избу во время пира входящий прежде всего крестится, затем останавливается у дверей. Тогда хозяин берет братыню, наливает два стакана пива и с поклоном подает пришедшему, и уже тогда он приглашается к столу» [Соболевская 1920]. Любому вошедшему в дом во время пирования была положена чарка, а иногда и какое-нибудь угощение со стола. Однако чаще всего для «посторонних» предназначаются именно обрядовые напитки, а не пища. «К пировству допускается всякий желающий, причем угощение предлагается не всем, а пиво может пить всякий, для чего нарочно выносится несколько ушатов пива на повить, на ушат выносится ковшик, и всякий желающий пьет и тут же иногда усыпает» [Городецкий, л. 35]. Таким образом, предполагалось, что не только каждый участник застолья, но и случайный гость должен приобщиться к «первому куску», или «доле». На этом основаны некоторые традиционные праздничные обычаи, например церемония обхода гостями домов в деревне, где происходит пирование. Так, в окрестностях с. Улома Новгородской губ. «если случится в деревне праздник, то идут все из окрестных селений. Приходят артелью в избу, рассаживаются по лавкам и ждут. Хозяин подносит по рюмке или по две водки и по кружке пива. Эта артель уходит дальше, а на место ушедших являются новые гости» [НГВ 1895, № 54]. В подобных обычаях проявляется основной смысл традиционного застолья: приобщение к «доле», воплощенной в обрядовых напитках и пище и отведенной всем членам данного социума, родовой общины, включая и «предков», роль которых исполняли «посторонние» и «странники» (эта их роль проявляется также в раздаче пищи и напитков во время поминовения у дома и на кладбище), а нередко и священник [Морозов 1998, 176—177][5].

Вообще первое, что обычно предлагается гостю, — это угощение: его сразу приглашают к трапезе. Отсюда традиционные этикетные формулы приветствия зашедших в дом в момент застолья. Например, в Мосальском у. приехавших во время свадебного застолья родственников невесты («вечерних») подруги невесты встречают словами: «Покорно просим в отцовский дом хлеба-соли кушать и что Бог послал» [Попроцкий 1864, 169—173].

Важна и **семантика первого блюда.** В ней выделяются две составляющие: актуальная («прагматическая»), осознаваемая носителями традиции, мотивируемая ими, и глубинная (мифологическая и историко-культурная), часто не осознаваемая. Пример «прагмасемантической» мотивировки начала свадебного застолья можно видеть в варианте костромской свадьбы, в котором «красный стол» нередко предварялся «отогревой». Вот характерный пример развертывания свадебного застолья такого типа. «*Сначала на свадьбе как от венчания приедут — "отогрева". Сидят "отогреваюцца". Жених с невестой сидят между столам, в одёже во всёй — не роздеваюцца. Перед ними два пирога — жениха и невесты, тоже всё лентам уряжены. <...> И за "отогревой" за етой поставят токо пирог один, картошка, холодца и там огурцы. Закусят и вылеза-*

[5] Об особом статусе странника см. [Щепанская 1992].

ют. А молодых повядут кормить. На винчаньё-то едут, эть молодые-то не йидят, голодные — а там причёшшают — голодные едут молодые-от. С молодых одёжу снимают и повядут кормить. И начинаюцца "обеды" — свадьба пойдёт. Сначала "квасы" — квас с холодцом. В блюдах всё ставят. Потом суп. Потом лапша. Опять мясноэ всё нёсут — всё в блюдах. Это сменяет другоё. Потом каша из яшной крупы. Это уш "погонятой"! Кисели поставят всё в стаканах. <...> Кисель выгоняэт — всё уш, это перед концом. А потом "красной стол" пойдёт. Вот тогда и курицу принесут...» (Зап. в 1996 г. в с. Парфеньево Костромской обл. от Е.М. Калининой, 1915 г.р., урож. д. Спицино Парфеньевского р-на [МИА 66оп:Ф1996-02Костр., № 29]). В других случаях сначала «хлебали квасы» (Зап. в 1996 г. в с. Парфеньево Костромской обл. от Е.М. Калининой, 1915 г.р., урож. д. Спицино Парфеньевского р-на [МИА 66оп:Ф1996-02Костр., № 29]), то есть выходила на первый план, акцентировалась глубинная семантика свадьбы, связанная с символикой хмельных напитков (брага, пиво, квас).

Свадебный стол часто начинался с разрезания свадебного каравая (пирога, рыбника, курника). Эту церемонию исполняли либо молодожены, либо основные свадебные чины (дружка, свашка, тысяцкий). Иногда она осложнялось другими ритуальными действиями, символизирующими «зачин», изменение статуса молодоженов (поцелуи, битье горшков). В русских селах Поволжья это могло быть «заламывание березки». «*"Во поле берёзонька стояла" — эт поют на втарой день и берёзку втыкают. Нарядють цвяточками, тряпачками такими цвятными вот, навяжут там цвяточкыв, припасут. И иё воткнут в пирог, в "курник". Да. Эт пирог — ёо, значит, падают на передний стол. Пададут и сразу втыкают эт ветычку, берёзку. Привяжут две нитки. А тут крёсная и крёсный и жэниха, и невесты. Вот они эт розделют нитычки: одну в один конец, другую в другую — вот за один конец крёстны невестины, а за другой жениховы. И вот они держут и вот запевают*

Во поле берёзонька стояла
Во поли кудрявая стояла,
Люли, люли стояла (2 р.),
Некаму бирёзу заломати,
Некаму кудряву заломати,
Люли, люли заломати (2 р.)...

И вот в эта время-та, как споют вот "заломати", оне стараюцца: то та хрёсна, то другая эты, дёрнуть-ты — кака быстрей дёрнит. Да. Хто вперёд дернит. Тада, значит, та хрёстна пабедила... Ну, наша пабедила! Значит, если невестина крёстна: "Ну, эта будит жэних подчиняцца нивести!"...» (Зап. в 1999 г. в с. Верхняя Маза Радищевского р-на Ульяновской обл. от З.С. Огольцовой, 1919 г.р. [МИА 75оп:Ф1999-29Ульян., № 49; Ф1999-30Ульян., № 2—4]).

Во время поминок чаще всего первыми подавали мед или медовую воду («сыту») и блины, в других случаях — «кутью» (смесь каши и ягод, иногда яиц и меда) [Носова 1993, 151; ШЭС, 300]. «*"Кутью" — при первай встречи. Кашу какуя-нибудь с мёдам смишають, вадичку вальють. И вот "кутья" называицца. Ага. Как садисси за стол — и пряма "кутью". Да. И с мёдам, йички варёныи и там в "кутью" смишають всё вмести, кажнаму паложуть ложычки па палтары...»* (Зап. в 1999 г. в г. Болхов Орловской обл. от Е.М. Ноздруновой, 1907 г.р. [МИА 47оп:Ф1999-02Орл., № 8]).

Причем первая и последняя порция (ложка) обычно предназначены для усопшего или замещающих его в обряде персонажей (нищего, странника, птиц) [Седакова 1990, 56—57]. «*Пад Троицу, в субботу "Радительская ниделя",* [на кладбище] *хадили все. Нисуть, бывала, паминать пакойникав — хто и мяса, хто и кашы, хто сала. "Радитили" называюцца... Расстелють салфетычку какую-нибудь и паставють еду на магилку. И вот хто идёть, можыть, там пы пути, па дарожки-та — йиво прыглашають: "Иди, — мол, — памини нашева там Никалая, Ивана!". Верницца, сядить. Ага. Сыжали, кармили. Винца паднисуть... А щё асталась-та, вить ани дамой-та ни забируть иё абратна. Аставляли тама. Ну, паклюють птички, паменуть...»* (Зап. в 1999 г. в г. Болхов Орловской обл. от Е.М. Ноздруновой, 1907 г.р. [МИА 47оп:Ф1999-02Орл., № 6]).

Жертвенная семантика «первого куска» просматривается и в обычае нести на кладбище «свяченое» на Пасху и Троицу сразу после всенощной.

Важное значение имели церемонии **приглашения гостей за стол, их рассаживания и потчевания** («Хозяйка подаёт на стол закуску: *"Кушайте, гости, кушайте, дорогие!"*» (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской

обл. от Т.С. Калининой, 1908 г.р., урож. д. Воздвиженское Пошехонского р-на [МИА 71оп:Ф1998-02Яр., № 10])), что определяло весь дальнейший ход событий: **порядок угощения** (в частности, расстановку, раскладывание и поднесение блюд, особенно ритуальных, очередность раздачи ритуальной пищи и напитков), **порядок чествования присутствующих**.

Церемонии воздания чести гостю хозяевами и величания хозяев гостями, их «славление» связаны с общим происхождением понятий «честь» и «часть». Оказание чести связано с наделением долей (т.е. выделением *части* из общей доли) в виде угощения и напитков. В ситуации праздничного застолья это имеет магический ритуальный смысл, поскольку пир является идеальной моделью будущего. Получивший много чести получит лучшую долю, в том числе лучшую судьбу. Под «славлением» могло пониматься исполнение песни и пляски для хозяев и гостей. В Вожегодском р-не во время пивного праздника на Успение (Богородицын день) приходящие в дом гости чествовали хозяина плясовой песней. «*У нас праздник от, Богородицин быв — у августе. Ну, дак пива варили, пировали так. Дак ходили так компаниями. Ну, вот по деревням-то пива-то много наварят, дак пить-то. А не званы, ништо. Как заходят там бабы три-четыре, да й, гыт:*

Што у етово хозяина
Смить ли писенка запить, (2 р.)
Как хозяюшка велит?
А хозяйка торовата:
— Погуляйте-ко, ребята!

Тогда они и пляшут. Подплясывают и припевают…» (Зап. в 1992 г. в д. Федяевская Вожегодского р-на Вологодской обл. от Е.Е. Тюриковой, 1908 г.р., урож. д. Храбровская [МИА 22:20об]).

Несомненно, что одной из самых эффектных и архаических деталей церемонии угощения был обычай кланяться в ноги угощаемому. В Тотемском и Вельском у. «все семейство падает ниц перед гостем, взявшим стакан, и лежит в таком положении на полу до тех пор, пока гость не выпьет стакана». С этим обычаем была связана забавная шутка: желая кого-либо подпоить, выжидали момента, когда этому гостю вручают чару, после чего все присутствующие валились ему в ноги и лежали до тех пор, пока он не выпьет всё содержимое. Причем отказаться в этом случае было большим «бесчесьём». По свидетельству очевидца, «во время братчины 1895 года одной старухе (повивальной бабке) подали чарушу около полведра и лежали у ее ног до тех пор, пока она не выпила всего. Чтобы старуха не выбежала из избы, несколько мужиков лежали ничком у порога. Старуха, польщенная таким почетом, выпила и упала (на месте)» [Крупнов, л. 6].

В структуре традиционного застолья выделяются компоненты, в большей степени связанные с игрой. Это, как правило, «чай» или «закуска». «*Сначала абед. Па-абедають, пагуляють, папляшуть, а патом эт всё сабирають, а закуску становють. У нас квас варили. Эт абед впирёд, а тут уш тада закуску дають. Апять за стол. Плясали. Да. Играли…*» (Зап. в 1999 г. в с. Купля Шацкого р-на Рязанской обл. от Трудневой Д.И., 1916 г.р., [МИА 45оп:Ф1999-12Ряз., № 2, 3]). Если основная часть застолья проходила достаточно чинно и благопристойно, без пения и шуток, то «чай», как правило, сопровождался словесным и музыкальным фольклором. «*Выпили, поели. Уш чево? Большэ не лезёт. Вот ищё пойдём плясать "русскова" под гармонь! Гармонист всё время был. Выпьют и потом пойдут плясать. Да. А потом ещё за стол садяцца…*» (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от Т.С. Калининой, 1908 г.р., урож. д. Воздвиженское Пошехонского р-на [МИА 71оп:Ф1998-02Яр., № 13]). Интересно, что в некоторых локальных традициях принято начинать застолье именно с «закуски» или «чая». В Вельском у. для приехавшего гостя в первую очередь «ставят самовар, поят его вином. После чаю обедают и тоже выпивают» [Пешков, л.32]. Такая интродукция в основное действо предполагала неспешное, медленное начало. В это время, например, могли вести разговоры на различные семейные и «застольные» темы, в том числе рассказывать анекдоты. Важная тема «застольных» разговоров — «еда и питье» [ШЭС, 178].

Очень большое значение придавалось первым словам, которые, как правило, произносил хозяин, а также первой песне — в одних случаях это было величание, в других — намек на то, что пора начинать угощение.

Ну-ка, ну-ка, наш хозяин, поворачивайся!
Не тебя пришли смотреть,
И не дома твоего,
Пришли сведать мы вино,
Не прокисло ли оно?..

(Зап. в 1999 г. в пос. Радищево Ульяновской обл. от Н.М. Макаркиной, 1918 г.р., урож. д. Воскресеновка Радищевского р-на [МИА 75оп: Ф1999-25Ульян., № 69]).

Не меньшее значение придавалось **завершающей части застолья**, в точном соответствии с пословицами «*Конец — делу венец*», «*Не гляди на начало, смотри последка*» [Даль 1882 (3), 336]. Завершить пир еще труднее, чем начать, хотя бы потому, что концовка подводит итог потчеванию и связана с определенным результатом, проявляющимся в реакции гостей: они величают или хулят хозяина. **Последний кусок** по многим признакам тождествен первому. Всё, предложенное в ритуальной трапезе, необходимо было съесть и выпить без остатка, так как выделенная часть ритуальной пищи символически отождествлялась с «долей», а следовательно, со здоровьем и силой. Остатки нельзя выбрасывать или оставлять без призора на столе, так как в этом случае они попадают во власть нечисти, которая отбирает у человека здоровье и силы. «*Покушаёшь дома, ак ить на столе-то вот не нао оставлять-то никовда. Еду, говорят, неверной ест, кушаэт ночью. У меня-от оставляют, дак я ночью встаю да крешшу всё да закрываю. Вот чево оставили на столе, тем и питаэцця суседушко-доброхотушко, он и питаэцця этим. Всё надо перекрешшать. Всегда перекрести*» (Зап. в 2000 г. в д. Полдарса Великоустюгского р-на Вологодской обл. от П.М. Чучиной, 1916 г.р., урож. д. Андреевская [СИС Ф2000-18Волог., № 37]). Пережиточные формы такого рода верований распространялись и на повседневный обиход: «Когда едят и не доедают, говорят: *"Свою силу оставив!"*. У другого привычка есть — хоть хамук да оставит» [Северное Белозерье 1998, 142]. Отсюда специальные обрядовые церемонии, направленные на доедание остатков пищи («ошурки доедать», «охараточки подбирать», «черепки собирать» и под.) [Морозов, Слепцова 1993, 280—281; Северное Белозерье 1998, 222; ШЭС, 232, 424], сопровождавшие любые праздничные пирования. Наиболее ярко это проявляется на масленицу и престолы, но известно и по традиционной свадьбе (ср. такие названия третьего дня как «о(т)пивки», «на перепивку»).

Недоеденную пищу запрещалось выбрасывать: ее либо раздавали нищим или инородцам[6], откуда отмечаемые многими исследователями формы ритуального нищенства, либо сушили и хранили до Пасхи. Известны также символические акции, демонстрирующие уничтожение скоромной пищи или избавление от нее: бросание в масленичный костер кринок с молоком или блинов, бросание друг в друга яйцами при поминовении на могилах на троицкое заговенье и под. Здесь используемая в обряде пища символизирует «последний кусок».

Последний глоток, как и другие остатки, нельзя было «оставлять бесам». Гостей упрашивали: «*Пейте до дна, не оставляйте зла!*». На что следовал ответ: «*Выпью, выпью, хуже людей не сделаю!*» (Зап. в 1992 г. в д. Коротыгинская Вожегодского р-на Вологодской обл. от А.И. Петровой, 1911 г.р. [МИА 22:17об]). «*Пей до дна, не оставляй зла*» (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от А.Г. Иванова, 1915 г.р., урож. д. Тюриково Пошехонского р-на Ярославской обл. [СИС:Ф1998-21Яр., № 28]). Во время «запоя», а также на праздничных застольях остатки спиртного из каждой чарки обязательно выплескивали в потолок (Зап. в 1999 г. в с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл. от А.И. Крайновой, 1929 г.р. [МИА 74оп:Ф1999-10Ульян., № 53]). Отсюда и этикетная форма демонстрации опустошенной рюмки: ее опрокидывали на голову, т.е. последняя капля (а следовательно, и «доля») в любом случае достается ее обладателю. «*Говорит: "Всё штоб вот до дна выпить!". Вот и раньшэ это было, да и сичас есть. Как выпивают маленько да оставляют: "Нет, до конца, конца!". И дажэ вот выпьют до дна — и вот стопку так опрокинут вот на голову...*» (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от Е.С. Прокофьевой, 1908 г.р.,

[6] В Присурье «поганые куски», т.е. остатки скоромного после масленицы, обычно отдавали татарам (Зап. в 2000 г. в пос. Сурское Ульяновской обл. от З.Н. Устиновой, 1912 г.р., урож. с. Кезмино Сурского р-на [СИС:Ф2000-14Ульян., № 79]; в 1999 в пос. Кузоватово Ульяновской обл. от И.С. Бакеевой, 1914 г.р., урож. с. Бестужевка Кузоватовского р-на [СИС:Ф1999-38Ульян., № 180]).

урож. д. Киселево Рыбинского р-на Ярославской обл. [МИА 71оп:Ф1998-03Яр., № 18]).

Завершение угощения обычно подразумевает восстановление некоего status quo, нарушенной гармонии, возмещение хозяину его «доли». Поэтому к этой части застолья часто привязаны песни и приговоры с благопожелательными мотивами и quomodo-формулами. Например, после ужина на предсвадебном вечере девушки поют от имени невесты песню, обращенную к ее отцу, в которой ему желают многократного возмещения съеденного и выпитого. «*А невеста сидит в переднем углу — ни пьёт, ни ест, у неё ложка сухая. А потом, как это они поедят, и запоют девки деревеньские, из которой она деревни девушка-та, опеть песни, што:*

— Напилась да я наелася
Да красной ложкой нахлебалась.
Лошачка сухошенька,
<Резенёк> хлеба целёшонёк,

— вот у невесты, она, значит, не ела.

— Не осуди, кормилець батюшко,
Да я людным севодни ужнала,
Да со мильми со подружками,
Я сусек да хлеба выела
Да я родник да воды выпила.
Хлеба-соли не убыло (2 р.),
Да есцё вдвоё-втроё прибыло (2 р.).
А тебе на лето тёплое
Да тебе создай жэ Господи (2 р.)
<На прок> рожь тебе хорошую (2 р.),
Да цистую да колосистую (2 р.)...

— это она ёму. Эт-от она ёму насулит, шчо вот она тут покормила-то, дак на будушчый-от год рожь хорошая будет... Это девушки поют, как будто невеста благодарит. Вот эту спели песню — и всё, потом мы все туто розойдемсе...» (Зап. в 1992 г. в Вожегодском р-не Вологодской обл. в д. Федяевская от Е.Е. Тюриковой, 1908 г.р., урож. д. Храбровская и в д. Олеховская от А.П. Соловьевой, 1907 г.р., урож. д. Коротыгинская [МИА 22:28об., 28, 28а]). Отметим сходство этого ритуала со святочным колядованием: в обоих случаях гости, получив от хозяина испрашиваемое угощение, исполняют благопожелательные тексты, в которых сулят ему многократное возмещение убытков.

Блюдо, которое подавали в конце застолья и которое знаменовало окончание пира, называлось «**разгонщиком**» [Слепцова 2001, 338—341]. Очень часто это были кисель или соломат. В Вашкинском р-не во время застолья на троицкое заговенье непременным угощением, которое обычно выносили под конец трапезы, был соломат (Зап. в 1994 г. в д. Монастырская Вашкинского р-на Вологодской обл. от Н.Я. Клубиковой, 1903 г.р., урож. д. Сидорово [МИА 25:66]). В Пошехонье последним блюдом на праздничных застольях, в том числе и на свадьбе, была «сладкая похлебка» — ржаной кисель с суслом. Она же служила угощением для детей (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от А.И. Шашкиной, 1914 г.р., урож. д. Колыберево Пошехонского р-на Ярославской обл. [МИА 71оп:Ф1998-07Яр., № 47]). «**Разгонщиком**» или «**разгончетой кашей**» могла называться каша («кутья»), подававшаяся в качестве завершающего блюда во время поминок (Зап. в 1998 г. в г. Пошехонье Ярославской обл. от А.И. Шашкиной, 1914 г.р., урож. д. Колыберево Пошехонского р-на Ярославской обл. [МИА 71оп:Ф1998-07Яр., № 65]), [Морозов 2001, 301], в том числе и в троицких обрядах «поминовения кукушки». Реже каша могла употребляться как «разгонщик» на свадебном пиру («*Каша — эт уже "разбежка" называицца, всё. Раз подали кашу — в разбежку. Пшонну, пшонну кашу* [*на воде*] *падавали. Всё, больши — хазяин канчаить свой базар. И на других* [*гостеваниях*], *всё: ежели пóдали кашу — всё, в разбежку*» (Зап. в 1999 г. в г. Болхов Орловской обл. от М.И. Романовой, 1921 г.р., урож. пос. Крыловский Болховского р-на [МИА 47оп: Ф1999-01Орл., № 58], также см. [Слепцова 2001, 338]). Обычное завершение поминальной трапезы — кисель или компот, иногда раскрошенные в медовой или подслащенной воде кусочки хлеба [Носова 1993, 151; Морозов, Богина 2001, 30—32]. На вологодской свадьбе «выгонялой» или «разгоней» также мог быть овсяный кисель [Воронина 1992, 92]. Медовая вода фигурирует и в других случаях. В с. Спасском Фетининской вол. осенью девушки организовывали «веселые» пирушки для рекрутов с участием их подруг из соседних деревень («госьей»). Последним блюдом на «веселых» были пироги с изюмом, слегка посыпанные толченым сахаром, которые ели, макая в разве-

денный в горячей воде мед. По свидетельству собирателя, «это любимое и богатое кушанье, приготовляемое подругами для своих "госьей" только во время "веселых"» [Городецкий, л. 16, 17]. Такая концовка соответствует общей логике традиционного русского застолья, которое чаще всего завершается «сладким столом» или «сладким пирогом» [Даль 1882 (4), 328], что в городской традиции соответствует «третьему блюду».

Очень разнообразны формы свадебных «разгонщиков». Первоначально «разгонщик» символизировал собой обрядовую жертву, воплощением которой являлось животное или птица (зажаренные целиком поросенок, иногда баран или гусь, курица либо куски мяса от них — «чистя» или «жарковья») и к которой должны были приобщиться все участники свадебного пира. Раздача гостям частей этого животного (отсюда, кстати, название «чистя») и совместное его вкушение, наряду со взаимным одариванием и чествованием, завершало целый комплекс обрядов, обозначавших как закрепление родства между семействами жениха и невесты, так и символический откуп за невесту. Это дает основание рассматривать раздачу кусков «разгонщика» еще и как чествование гостей «почетной» пищей, т.е. воздание им чести (ср. распространенное название «почетный» или «почестный пир» для свадебного стола). «*Эт щ да нас была. У багатых тада зажаривали пырасёнка. Назывались "чистя", "чистя" были. Вот этыва пырасёнка зажарють и патом яво режуть на части. И вот пы сталам там: у каó нá пять, можить, на десить сталов. И вот па этим сталам эт назывались "чистя". Да. На свадьбу пад канец йих падавали...*»; «*Падавали на стол жаркóвья — у каво чё было. У каво падавали курятину: вот такими ламтями! — курятину падавали*». Подобным образом поступали и с гусем. Причем в тушку нередко предварительно втыкали перья и складывали из них крылья. Ломти мяса вместе с перьями расхватывались гостями, которые на место взятых кусков бросали деньги для стряпух. «*Ухадить кады — "разгóнщик", он разганяить всех. Гусака вот — перьих в няво натычуть. И там уж сват, примерна мой атец, начинаить. Вот гаварить: "Давайтя приступать! Давайтя, приступайтя к няму!". И начинають таскать — деньги кладуть и начинають. Патом съядять — и всё. Па стаканý — и пашла!*». Разрезал тушку животного обычно один из важных свадебных чинов со стороны жениха. Нередко одновременно совершались различные символические действия, напоминавшие гостям, что им пора уходить. «*Когда на стол ставят свиную голову или вареную курицу, то втыкают в нее нож и кричат: "Кукареку!" — это намек засидевшимся гостям*»; «*За столом на гулянье дружка делал вид, что никак не разрежет жареного поросенка — знак, что пора уходить. Гости, уходя, бросали деньги "на брусок"*», т.е. чтобы наточить нож [Слепцова 2001, 338]. Интересна эволюция форм «разгонщика», постепенная замена его символическими формами: перья имитируются ленточками и разноцветными тряпочками.

Более поздними формами «разгонщика» являются каравай или специальный «разгонный пирог» («кýрник») либо свекла с воткнутыми в них цветами, веточками или лучинками-«пичушками» (т.е. птичками), украшенными лентами. «*Паследнее блюдо — пирог на свадьбе. На первый день. Хто прадалгаватый, хто круглый, хто и с начинкай делают, с вареньем каким-нибудь. Вот и бальшой — булка палучаицца. И у пирагу цвяты ваткнуть, букет цветов пасерёдки! Йиво режуть пряма чистями и с кампотам. Ага. Вприкуску*» (Зап. в 1999 г. в г. Болхов Орловской обл. от Е.М. Ноздруновой, 1907 г.р. [МИА 47оп:Ф1999-02Орл., № 14, 16]). Причем если каравай, пирог, а возможно и свекла или редька символизируют тушку жертвенного животного или птицы, то лучинки с «пичушками» соотносятся с перьями, некогда втыкавшимися в нее. Встречаются случаи наименования «пичушками» мелкого фигурного печенья из пресного теста на пшеничной муке, которое обычно также нанизывалось на лучинки длиной около 30 см, обмотанные полосками цветной бумаги с предварительно нарезанным бахромой краем. Иногда оно просто подавалось на стол в большом блюде в качестве десерта (такой тип «разгонщика» назывался еще «приспéшками»). В некоторых случаях употреблявшийся в качестве «разгонщика» пирог-«курник» назывался так же, как и церемония одаривания молодых — «сыр-каравай» [ШЭС, 387 и след.], что отражает тесную взаимосвязь обрядов одаривания и выпроваживания гостей. Последнее подтверждается и поговоркой: «*Сыр прайдёть — и*

свадьба врозь пайдеть» (Зап. в 1995 г. в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. от А.А. Кузякиной, 1908 г.р., урож. д. Токарёво [МИА 43:Ф1995-07Ряз., № 6]). Характерно, что в ряде случаев под «сыр-караваем» подразумевался хлеб, которым молодых встречали из-под венца и кусочки которого в конце свадьбы раздавались гостям, либо хлеб, применявшийся на «богомолье».

В Тарусском у. Калужской губ. на пропое **последним («круглым») блюдом** был **сальник**. Именно за последним блюдом мать невесты или сама невеста дарят гостей платками, за что получают вознаграждение деньгами [Попроцкий 1864, 178—179]. Этим блюдом могла завершаться и вся свадьба (Зап. в 1998 г. в д. Ламанцево Пошехонского р-на Ярославской обл. от Е.А. Седовой, 1920 г.р., урож. д. Зиновка [СИС: Ф1998-49Яр., № 64]). В качестве разгонного блюда на пированиях и на свадьбе употреблялась также яичница. «*Ну вот, вечир сидять, вроди уш позна, и йишницу дадуть, тада сватья сабираюцца ухадить. И йих выходять праважать*» (Зап. в 1997 г. в с. Кулики Шацкого р-на Рязанской обл. от Шерсткиной Е.И., 1918 г.р., [МИА 46оп:Ф1997-23Ряз., № 64]). В Великоустюгском р-не Вологодской обл. последним блюдом на свадебном застолье было молоко. Судя по названию («отказ»), блюдо символизировало окончательный разрыв невесты с ее родом (Зап. в 2001 г. в г. Великий Устюг Вологодской обл. от П.И. Колотовой, 1922 г.р., урож. д. Верхнее Чистяково Великоустюгского р-на [СИС:Ф2000-01Волог., № 30]). Особая роль молока и молочных блюд в завершающей части традиционного застолья объясняется, возможно, их причастностью к символике разговления, ярко проявляющейся в календарной обрядности [Агапкина, Топорков 1986, 76—88].

Наряду с «пичушками» каравай нередко украшался человеческими фигурками, куколками, изображавшими жениха и невесту или других важных свадебных лиц. Интересен мотив ритуальной борьбы за эти фигурки между гостями со стороны жениха и со стороны невесты и последующее одаривание ими детей, использовавших их во время кукольных игр. «*Пичужка — эта вот на палачки: из бумажки нарежуть вот тах-т вот мелка-мелка и завёртывають. И ани прям этими, кудрюшками, из разнай бумаги. И в редьки иль там в свёкли втыкають. И в сирёдках этих "барынев"-ты сажають (из теста пикли). Вот пасля абеда выносють и хватать начинають — хто схватить. Гаварять: "Пичужкыв хватать, пичужкыв хватать!"*» (Зап. в 1993 г. в с. Черная Слобода Шацкого р-на Рязанской обл. от Калгановой М.И., 1914 г.р. [СИС 15:23]).

Куклы из теста, тряпок, глины или даже из дерева величиной до полуметра могли выставляться на свадебный стол независимо от каравая, причем характерным атрибутом глиняных, деревянных куколок и фигурок из теста была метла. «*Вот ана эту и застряпаить чилавечка тама. А нектрыи из глины делають, а некатрыи из теста делають. И вот он стаить, митла у няво, значить: "Вымятайси все!". А патом вот выкинуть яво, а если из теста, атдадуть каровам там*» (Зап. в 1995 г. в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. от Улиной Е.С., 1907 г.р. [СИС 19:29]). Еще один из вариантов «разгонщика» в с. Польное Ялтуново внешне напоминал кукольный театр. Здесь полуметровую куклу показывали гостям из-за перегородки, отгораживающей кухню от комнаты, где происходило застолье. «*Ну, из тряпкых куклу вот такую сделають (бальшая, парядашна кукла) — и с запанáм, и всё. Эт в первый, в первый день — наденуть вон иё, вон аттáль пакажуть. А ана с жичиный [=прутиком] стаить — вродь разганяить. Пакажуть, а ани, гостит: "Наверна надать нам расхадицца!". Вот и начнуть эту песню: "Ни пара ли нам, рибята, чужуй пиву пить, / Ни пара ли нам, рибята, сваей наварить?". Вот так — эт щоб ани скарей ушли...*» (Зап. в 1995 г. в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. от А.А. Кузякиной, 1908 г.р., урож. д. Токарёво [МИА 43:Ф1995-07Ряз., № 11]). Связь свадебного «разгонщика» с другими обрядами выпроваживания появляется в названии одного из его типов: «*Такую "русалку" пикли из теста, с полметра...*» (Зап. в 1995 г. в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. от Н.А. Мироновой, 1910 г.р. [СИС 19:16]).

В конце застолья хозяин или распорядитель застолья предлагает гостям «на постельку» **последнюю чарку** — «подорожник» (Радищевский р-н), выходящим из-за стола наливают «на бадожок» (Устюженский р-н) или «на дорожку» (Буйский р-н). В конце свадебного застолья «*ета уш тада*

хуть вот "сыр-каравай" прайдёть, всё уш эта, напаследках тада уш дадуть, эта качатá убярутъ и парасёнычка убярутъ. И вот ищо там паднясуть па скольки, выпиють и там разломить на сколька хто есть там ни есть и тада — в разбежку, и всё. А патом в двирях стаять ищо дружку и ищо хто-нибудь с бутылкими. Гости идуть и опять всех праважають, апять с вином, или тада брага была» (Зап. в 1997 г. в с. Тарадеи Шацкого р-на Рязанской обл. от Митькиной Е.Г., 1917 г.р. [СИС 28:19об.]).

Песня в качестве «разгонщика», нередко в сочетании с другими обрядовыми действиями, встречалась почти повсеместно. Текст такого рода песни обязательно включает формулы выпроваживания, сетования на то, что всё съедено и выпито, иногда шуточные жалобы на назойливость гостей. Среди часто встречающихся можно отметить песню

Полно, полно вам, ребята,
Чужо пиво пити,
Не пора ли вам, ребята,
Своё заводити?..

(Зап. в 1995 г. в с. Польное Ялтуново Шацкого р-на Рязанской обл. от А.А. Кузякиной, 1908 г.р., урож. д. Токарёво [МИА 43:Ф1995-06Ряз., № 100, 101], [Слепцова 2001, 341]).

Эта песня исполнялась как на свадьбе, так и во время других праздников. В с. Петроселье Мосальского у. предсвадебная «вечеруха» в доме невесты завершалась песней:

Пора, сваты, до дому,
Поели кони салому:
Оржаную-кривую,
Ячную-смачную,
Пшеничную-пышную

[Попроцкий 1864, 169—173].

В Брянском Полесье в конце свадебного застолья гостям исполнялась песня «*Гостики наши милые, вы нам надоели, хлеб-соль поприели…*» (Зап. в 2000 г. в с. Мáкарзно Трубчевского р-на Брянской обл. от М.И. Суконкиной, 1928 г.р. [МИА 77оп:Ф2000-06Брян., № 22]).

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Даже беглый обзор материала позволяет увидеть сущностные схождения между инициальной и финальной частью традиционного застолья как на структурно-семантическом, так и на прагматическом уровнях. Подчиняясь общим правилам и регламентациям, действующим в ситуациях встречи и проводов, они имеют и собственную мифологическую (наделение долей) и прагматическую семантику. Учитывая глубинный смысл традиционного застолья — общение с «духами-покровителями», одаривание их в обмен на различные блага (благосостояние, урожай, приплод скота, здоровье), — можно рассматривать застолье в рамках общей модели обряда «гостевания» со свойственными ему церемониями встречи и выпроваживания гостей, их угощения («потчевания») и развлечения. Гости выступают как обрядовые заместители «духов-покровителей» (в семейных обрядах, например при поминовении, «родители» присутствуют «реально», «собственной персоной»), отсюда близость многих формул встречи и выпроваживания гостей и «душек» на поминках.

Особенности застольного ритуала и его связь с гостеванием в целом наиболее ярко проявляются именно в начальной и конечной («акцентированных») точках застолья.

Литература

Агапкина, Топорков 1986 — *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* К проблеме этнографического контекста календарных песен // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 76—88.

Актуальные проблемы 2002 — Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002.

Владыкина 1997 — *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1997.

Воронина 1992 — *Воронина Т.А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 78—101.

ГЕМ — Гласник Етнографског музеја у Београду. Т. 31—32. Београд, 1968 — 1969.

Городецкий — *Городецкий П.* Этнографические сведения о крестьянах Вологодской губ. Вологодского уезда Фетининской волости (и части Кубенской и Несвойской волостей), прихода Спасопреображенский, что в с. Спасском. Рукопись // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 35.

Гринченко 1895 — *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 1. Чернигов, 1895.

Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1, 3, 4. М., 1882.

Добровольский 1914 — *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Ковалев, Могильный 1996 — *Ковалев В.М., Могильный Н.П.* Традиции, обычаи и блюда русской кухни. М., 1996.

Крупнов — *Крупнов П.* Этнографические сведения о крестьянах Вохомского Тихоновского прихода Лапшинской волости Никольского уезда. Рукопись // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 295. Л. 6.

Лотман, Погосян 1996 — *Лотман Ю.М., Погосян Е.А.* Великосветские обеды. СПб., 1996.

Морозов 1998 — *Морозов И.А.* Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женитьбы». М., 1998.

Морозов 1998а — *Морозов И.А.* Застолье // Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1998. С. 140—146.

Морозов 2000 — *Морозов И.А.* Семинар «Традиционное застолье как историко-культурный феномен» // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2000. № 1. С. 118—119.

Морозов 2001 — *Морозов И.А.* Поминки // ШЭС. С. 300—304.

Морозов, Богина 2001 — *Морозов И.А., Богина Е.Г.* Душу провожать // Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 3. Ульяновск, 2001. С. 30—32.

Морозов, Слепцова 1993 — *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Праздничная культура Вологодского края. Часть 1: Святки и масленица // Российский этнограф. Этнологический альманах. Вып. 8. М., 1993.

Морозов, Слепцова 2001 — *Морозов И.А., Слепцова И.С.* За столом // ШЭС. С. 172—182.

Носова 1993 — *Носова Г.А.* Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки // Российский этнограф. Этнологический альманах. Вып. 6. М., 1993.

Пешков — *Пешков П.* Этнографические сведения о крестьянах д. Нестюковская (Заозерье), Усть-Кулойского общества Усть-Вельской волости Вельского уезда. Рукопись // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 32.

Попроцкий 1864 — *Попроцкий М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами штаба Калужской губернии. Т. 9. Ч. 2. СПб., 1864.

Преображенский — *Преображенский И.* Сельский праздник (Этнографический очерк Кадниковского уезда) // ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 68. Л. 16-16об.

Романов 1912 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. Вильна, 1912.

Романов 2000 — *Романов П.В.* Застольная история государства Российского. СПб., 2000.

Русские 1997 — Русские: народная культура (традиции и современность). Т. 2: Материальная культура. М., 1997.

Сборник 1891 — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1891. Кн. 6.

Северное Белозерье 1998 — Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1998.

Седакова 1990 — *Седакова О.А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 54—63.

Скворцов 1881 — *Скворцов Л.* Бережнослободская волость Тотемского уезда. (Этнографический очерк) // Вологодский сборник. Вып. 2. [Вологда], 1881.

Слепцова 2001 — *Слепцова И.С.* Разгонщик // ШЭС. С. 338—341.

Соболевская 1920 — *Соболевская В.М.* Очерки быта кокшаров и присухонских крестьян. Рукопись. 1920 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144. Л. 51—53.

СЕЗ — Српски етнографски зборник. Књ. 19. Београд, 1928.

Страхов 1991 — *Страхов А.Б.* Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Мюнхен, 1991.

Тројановић 1911 — *Тројановић С.* Главни српски жртвени обичаји. Београд, 1911.

Трошков 1899 — *Трошков П.* Куржекса (Вытегорского уезда Олонецкой губернии). Этнографический очерк. Рукопись 1899 г. // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 891. Л. 2

Щепанская 1992 — *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102—126.

Сокращения

АРЭМ — Рукописный архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1540. Л. 19.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области.

МИА — личный архив И.А. Морозова.

НГВ — Новгородские губернские ведомости.

СИС — личный архив И.С. Слепцовой.

ШЭС — Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 28.)